

переводом всего Фукидида, который он заново создал на основе старого перевода Мишенки.

Громадные знания и замечательный, выработанный годами неустанной работы, профессиональный навык быстрой ориентировки в гигантской общей и специальной литературе помогают С. А. знать всегда последнее слово и всегда ясно видеть профиль всего научного фронта. С. А. очень быстро и очень много читает, и сила его как ученого заключается, между прочим, также и в том, что он в совершенстве владеет как русской, так и западноевропейской научной литературой: ни одна монография, ни одна исследовательская статья по ближайшей его специальности или по смежной, появляющаяся в Советском Союзе или на Западе, не ускользает от его внимания. Он тщательно знакомится с каждой из них не за страх, а за совесть, руководимый не чувством обязанности, а чувством того живого, неподдельного интереса, каким С. А. горит к каждой научной новинке, к каждому, вновь открываемому в Греции ли, у нас ли, в Малой Азии или в Африке, памятнику античной культуры. Этот горячий, внутренний, живой интерес к каждому новому научному открытию, обличающий в академике Жебелеве подлинного ученого, заставляет С. А. стремиться возможно скорее добираться до публикации. Очень часто С. А. сейчас же отзывается на открытие. Новые надписи Элевсина, Аттики, Милета, Кирены—весь этот свежий приток нового научного материала, немедленно же по ознакомлении с ним, приводится С. А. в живую научную связь с другими известными ему памятниками, причем нередко сопоставляется им с данными Причерноморья. Так, Киренские эпиграфические находки, столь важные по богатству новых документов, вызвали целых три статьи С. А.: «Киренскую конституцию» (ДАН, 1929, стр. 77 сл.), «Плодородие Кирены» (там же, стр. 97 сл.) и «Манифест Птолемея Киренского» (ИАН, 1933, стр. 391 сл.).

Значение Жебелева для русской историографии по античности в полной мере определится, конечно, лишь позже, но в значительной мере открывается оно нам уже и теперь в том живом признании им ценности всякого вновь открываемого или научно устанавливаемого факта, сопоставляемого с другими, характерными для жизни античного общества, аналогичными фактами, которое так ярко горит в двигающемся вечно вперед его собственном научном опыте.

В течение 50 лет научно-исследовательской и педагогической деятельности акад. С. А. Жебелев оставил весьма солидный след в истории советской историографии по античности. Вот почему советская наука, печать и общественность отмечают заслуги этого старого русского ученого, как примерного исследователя, неутомимо работающего по изучению различных, во многих случаях еще невыясненных проблем древней истории.

Советская историография ждет еще новых и интересных работ от академика С. А. Жебелева.

Ив. Толстой

Роль акад. Сергея Александровича Жебелева в исследовании северного Причерноморья античного времени

Ведущая роль в изучении северного Причерноморья античного времени издавна принадлежала и сейчас бесспорно принадлежит русским ученым. В их среде Сергей Александрович Жебелев по праву занимает одно из первых мест. Его перу принадлежит целый ряд работ, проложивших новые пути в изучении северного Причерноморья или разрушивших заблуждения, которые мешали дальнейшему развитию науки.

По своим размерам эти работы обычно невелики. Для их стиля характерна исключительная, а подчас даже беспримерная, сжатость изложения. При этом почти каждая из этих научных миниатюр представляет собой образец одновременного использования исторических, филологических, эпиграфических и археологических приемов исследования. В этом искусстве всестороннего охвата материала—одна из типичнейших их особенно-

стей. Сергей Александрович, конечно, прежде всего историк; но он одновременно и эпиграфист, изучивший это тонкое искусство у лучших специалистов своего времени. Одновременно он классик-филолог старой школы, одновременно и археолог с широким кругозором в области истории античного искусства, лично знакомый с огромным числом памятников. Наконец, в области своей широкой специальности Сергей Александрович эрудит, равного которому сейчас нет в нашей стране.

Естественно, что при всех этих творческих особенностях Сергея Александровича как ученого работы его резко выделяются на общем фоне современной историографии по северному Черноморью. Часто ему удается одерживать блестящие победы именно на тех участках исследовательского фронта, на которых его предшественники в лучшем случае добивались результатов только сомнительной научной ценности. Еще чаще Сергей Александрович посвящает свои труды детальному исследованию наиболее темных и еще не разработанных вопросов. Эту черту научной деятельности Сергея Александровича отметил еще Бузескул¹.

В области изучения истории северного Причерноморья античной эпохи Сергей Александрович занимался широким кругом вопросов, связанных со всеми тремя главными центрами этой страны.

Объектом его исследовательского внимания бывали и Боспор, и Херсонес, и Ольвия, но больше всего времени и труда он уделил истории Боспора. Для всякого занимающегося историей этого своеобразного греко-скифского государства исследования Сергея Александровича имеют бесспорное значение отправных точек для дальнейшей работы.

Наиболее ранний период в истории Боспора рассмотрен Сергеем Александровичем в его работе «Возникновение Боспорского государства»². Здесь ставится вопрос о начальном этапе греческой колонизации восточной части Крымского полуострова, о времени и условиях возникновения Пантикапея, Фанагории, Феодосии, Гермонассы. Одновременно делается органически связанный с поставленными вопросами экскурс с целью выяснения общих условий развития колонизационной деятельности Милета, связи между развитием классовой борьбы в этом городе и выводом колонии. Заканчивается эта работа вопросом об Археанактидах, как первом правительстве, объединившем отдельные полисы в своего рода федерацию. Тому же самому вопросу специально посвящена и другая, более ранняя работа Сергея Александровича—«Боспорские Археанактиды». Здесь даются исчерпывающий обзор литературы вопроса и самый подробный анализ краткой заметки Диодора Сицилийского (XII, 31, 1), как известно, являющейся единственным литературным свидетельством о боспорских Археанактидах. На основании этих исследований Сергей Александрович устанавливает два очень существенных факта. Во-первых, что Археанактиды были милетским родом; тем самым устраняется старое предположение Бека, разделявшееся и рядом других ученых, о происхождении их от легендарного Археанакта. Во-вторых, что в своей деятельности первые Археанактиды пытались воспроизвести на новом месте государственный строй своей метрополии, но под влиянием местных условий дальнейшее развитие боспорских городов идет не в сторону установления демократии, а, в отличие от Милета, в сторону усиления власти пантикапейских архонтов. Внесением ясности в этот чрезвычайно темный период ранней истории Боспора, или, правильнее сказать, установлением твердой грани между научно-познаваемым на основании имеющихся письменных и вещественных источников и областью, в отношении которой возможны только более или менее гадательные предположения, Сергей Александрович расчищает путь для своих последующих работ. К ним прежде всего относятся «Основные линии экономического развития боспорского государства»³ и «Боспорские этюды»⁴.

Первое из этих исследований охватывает промежуток времени от образования Боспорского государства до так наз. римского периода включительно, т. е., собственно говоря, почти всю известную нам историю Боспора.

¹ «Введение в историю Греции», стр. 496.

² ИАН СССР, 1930, стр. 799 сл.

³ ИАН СССР, 1934, № 8, стр. 589 сл.; № 9, стр. 661 сл.

⁴ ИГАИМК, вып. 104 (1935).

В этих широких хронологических рамках ведется исследование, основанное на археологическом, нумизматическом и эпиграфическом материале и свидетельствах античных авторов. При этом, конечно, привлекаются не только данные, имеющие непосредственное отношение к северному Причерноморью, но и материал, связанный с Афинами и целым рядом других античных городов и районов, находящихся в торговых отношениях с Боспором. Чтобы надлежащим образом оценить значение этой работы, нужно помнить, что это первое в современной историографии исследование, посвященное специально вопросам экономического развития Боспора. И несмотря на то, что автору пришлось идти по неизведанным до сих пор путям, его труд увенчался целым рядом чрезвычайно интересных наблюдений и выводов. Как удалось доказать Сергею Александровичу, Боспорское государство уже очень рано обнаружило стремление «широко наладить и правильно организовать сбыт сначала в греческий, затем в греко-римский мир значительного избытка того сырья, главным образом хлеба и рыбы, которым Боспор располагал, чтобы, в свою очередь, обеспечить себя теми продуктами сырья и промышленного производства, которых Боспор не имел и которые были ему необходимы для организации своего производства»¹.

Чтобы достигнуть этих целей, боспорское государство стремится вовлечь в его экономические интересы верхний слой туземного общества и одновременно вступает в оживленные торговые сношения с «варварским» окружением, получая от него сырье и снабжая его предметами промышленного производства, как импортными, так и выделяемыми у себя дома.

Отсюда следует вывод, касающийся самой существенной особенности Боспора. «Без тесных связей с «варварами» Боспор не мог бы существовать, равно как и эти «варвары» не могли бы достигнуть той роли, какую им пришлось сыграть в жизни Боспорского государства»². Таким образом, греко-скифский, а затем греко-сарматский характер этого государства, явившийся результатом постепенной ассимиляции греческого и туземного населения, равно как и сам факт этой ассимиляции, находят свое объяснение и в боспорской экономике. С этой стороны Боспор, по определению Сергея Александровича³, уже во времена Спартокидов являлся «как бы прообразом... эллинистических монархий» более позднего времени. Тем самым вопросы изучения северного Причерноморья оказались выведенными из сферы интересов относительно узкого круга специалистов. Стало ясным, что история Боспора неотделима от проблем, связанных с изучением общей закономерности в развитии античных государств, в частности расположенных в таких частях античного мира, где они сосуществовали рядом с обществом «варваров».

Естественно, что это широкое исследование должно было сыграть роль существенной предпосылки и фона для опубликованных через год «Боспорских этюдов».

Первый из этих этюдов носит название «Образование Боспорского царства»⁴. Он может рассматриваться как продолжение и углубление указанного выше исследования о возникновении Боспорского государства. Здесь изложение охватывает весь период правления Археанактидов и Спартокидов до III в. до н. э. Таким образом, объектом исследования в данном случае оказывается цветущая пора в истории Боспорского государства, связанная с интенсивным ростом его территории за счет подчинения варварских племен и соседних городов.

Второй этюд, под заглавием «Афины, Нимфей и измена Гилона»⁵, посвящен одному из чрезвычайно важных вопросов в истории Боспора, именно вопросу о взаимоотношении Боспора с Афинами. В нем при помощи ряда убедительных аргументов опровергается заблуждение многих исследователей о вхождении Нимфея в состав Афинского морского союза, основанное, как показала эта работа, на недостаточно критическом отношении к известной речи Эхина.

¹ ИАН СССР, 1934, № 9, стр. 678.

² Там же.

³ Ук. соч., стр. 679.

⁴ ИГАИМК, вып. 104, стр. 7 сл.

⁵ Ук. соч., стр. 24 сл.

Третий этюд, «Был ли Танаис разрушен Полемоном»¹, построен на анализе одного слова в кратком сообщении Страбона (Str., XI, 493) о разрушении Танаиса Полемоном в конце I в. до н. э. Сколько людей читали этот текст до Сергея Александровича, безуспешно стараясь согласовать его с данными археологических исследований, и только он один своим глазом филолога заметил, что Страбон говорит не *διεπόρθησεν*, но *ἐξέπόρθησεν*. На основании целого ряда убедительных аналогий Сергей Александрович доказал, что этот глагол следует переводить не «разрушил до основания», как это сделал П. И. Прозоров в издании В. В. Латышева, но «разорил», «разгромил». Новый перевод сразу же выставил в ином свете гипотезу А. А. Миллера, объяснявшего перенесение Танаиса в конце II в. до н. э. (т. е. почти за столетие до Полемона) на новое место около современной Недвиговки (старое городище у ст. Елисаветинской), не разрушением этого города, но заиливанием русла Дона. Устранив это, основанное на неправильном переводе Страбона, заблуждение, Сергей Александрович в том же этюде делает еще ряд чрезвычайно интересных наблюдений, касающихся особенностей Танаиса как одного из наиболее варваризированных городов на территории Боспора.

Четвертый и последний этюд под заглавием «Фиас навклеров в Горгиппии»² построен преимущественно на текстуальном анализе известной горгиппийской надписи, впервые опубликованной В. В. Латышевым в 1910 г. (ИАК, вып. 37, стр. 38 сл.). Многочисленные эпиграфические аналогии позволяют Сергею Александровичу по-новому прочесть и осмыслить эту надпись, что, в свою очередь, дает ему основания для ряда очень интересных выводов, касающихся структуры и назначения севернопричерноморских фиасов.

В те же годы, еще до опубликования «Основных линий» и «Этюдов», именно в 1933 г. вышел в свет «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре»³. С тех пор эта замечательная, стяжавшая себе известность далеко не только среди античников работа дважды, один раз на французском, другой раз на русском языках⁵, переиздавалась.

Исследовательская нить в ней начинается с разбора херсонесской надписи в честь Диофанта. Отдельные выражения и слова, например такие слова, как *ἐκτρέψεν*, *νεστερίζεν*, подвергаются в ней внимательнейшему филологическому и смысловому анализу. В результате эта древняя и, как казалось, вполне изученная надпись выступает перед нами в совершенно новом свете. На основании ее содержания Сергею Александровичу удается установить до сих пор неизвестный нам факт очень большого исторического значения. Теперь, после опубликования «Последнего Перисада», никто уже не может сомневаться в том, что на Боспоре, в конце II в. до н. э., произошло восстание скифских рабов, потрясшее основы этого государства.

Объяснение этого факта приводит автора к широкому построению, в котором взаимоотношения прибрежных полисов с «варварами» и появление на исторической сцене Митридата Евпатора рассматриваются на фоне общего кризиса рабовладельческого общества. Мысли товарища Сталина о причинах гибели рабовладельческого общества под влиянием революции рабов изнутри и удара варваров извне⁶ благодаря этому исследованию получают новое конкретное подтверждение на примере истории Боспора этого времени. При таких условиях это исследование должно быть причислено к лучшим работам советских ученых, которыми по справедливости гордится наша советская наука.

Касаясь работ Сергея Александровича, посвященных другим государствам северного Причерноморья, следует остановиться на двух исследованиях по истории Херсонеса. Одна из этих работ, под заглавием «Возникновение Херсонеса Таврического», была напечатана в 1930 г.⁷

В ней подвергается критическому разбору перипл Псевдо-Скимна, который называет основателями Херсонеса Гераклею и Делос.

¹ Ук. соч., стр. 37 сл.

² Ук. соч., стр. 45 сл.

³ ИГАИМК, вып. 70.

⁴ См. статью акад. Б. Д. Грекова в «Историке-марксисте», 1939, № 4.

⁵ ВДИ, 1938, № 3 (4); REG, t. XLIX, 1936, стр. 17—37.

⁶ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 432; см. там же, стр. 412.

⁷ ДАН, вып. 9, стр. 157—162.

На основании ряда палеографических соображений, данных археологии и анализа реальной ситуации, Сергей Александрович считает возможным заменить в указанном выше перипле «делосцев» «теосцами». Отсюда возникает предположение, аргументированное еще целым рядом веских соображений, о существовании на месте позднейшего поселения дорийских колонистов—теосской торговой фактории, основанной, повидимому, еще в VI в. до н. э.

Второе исследование, посвященное Херсонесу, это «Херсонесская присяга»¹.

Здесь дается новый перевод знаменитой надписи и подвергается всестороннему изучению ее содержание.

Значение этой работы может быть легче всего раскрыто путем ее сопоставления с аналогичным исследованием В. В. Латышева («Понти́к», стр. 149). По сравнению с этим— правда, теперь уже устаревшим, но в свое время серьезным исследованием— работа Сергея Александровича представляется очень значительным шагом вперед. Развивая мысль своего учителя Ф. Ф. Соколова («Труды», стр. 640), впервые указавшего на значение присяги как документа, отражающего внутренние потрясения и борьбу партий в Херсонесе, Сергей Александрович дает блестящую характеристику внутреннего положения и классовой борьбы в Херсонесе того времени. Заканчивается эта работа очень удачной попыткой расшифровки непонятного до сих пор термина *ααστήρ* в § 6 присяги, которая поражает своей филологической тонкостью.

Ольвией Сергей Александрович занимался сравнительно меньше. Из его работ по истории этого города следует отметить «Счастливые города»², которую сам он назвал «филологической справкой». Это исследование целиком посвящено вопросу о происхождении самого имени этого города. Однако результатом этого исследования явилось филологическое обоснование очень важного исторического факта, именно факта существования туземного поселения на месте будущей Ольвии.

Другая работа, под названием «Милет и Ольвия»³, представляет собой характеристику взаимоотношений этих двух полисов по данным надписей и литературным источникам. Одновременно в этой работе подробно рассматривается вопрос о походе на Ольвию Зопириона (Just., XII, 1, 4), имеющий очень существенное значение для истории города в IV в. до н. э.

Сюда же примыкает еще одно, пока еще не вышедшее из печати, небольшое исследование о взаимоотношениях Ольвии с Митридатом Евпатором. Оно основано на анализе ольвийского декрета в честь амисского гражданина корабельщика, оказавшего ольвиополитам существенные услуги (IRE, I², 35). Разбирая содержание этих услуг (к сожалению, надпись дошла до нас в плохой сохранности), Сергей Александрович устанавливает новый, до него только предполагаемый факт зависимости Ольвии от Митридата Евпатора, которому, таким образом, удалось подчинить себе все северное побережье Черного моря.

Последнее обстоятельство вносит новую и очень существенную черту в характеристику одного из самых интересных периодов в истории северного Причерноморья. Особое место среди исследований Сергея Александровича занимает опубликованная еще в 1927 г. работа «Геродот и скифские божества»⁴. Она представляет собой источниковедческое исследование соответствующих мест из IV книги Геродота, которое с совершенно новой стороны освещает вопрос о религиозных представлениях скифов и их интерпретации у греческого автора.

Кроме перечисленных работ по истории Боспора, Херсонеса и Ольвии, Сергеем Александровичем в 1927—1938 гг. были написаны еще две работы обзорного характера. Одна—под заглавием «Итоги изучения античности в СССР за двадцать лет»⁵, другая—«Народы северного Причерноморья в античную эпоху»⁶. Обе эти работы чрезвычайно

¹ ИАН СССР, 1935, № 10, стр. 913—939.

² ИГАИМК, вып. 101, стр. 355—362.

³ ИАН СССР, 129, XII, сер. 6, стр. 427—435.

⁴ «Изв. Тавр. О-ва истории, археологии и этнографии», I, 1927, стр. 1—6.

⁵ ИАН СССР, № 5, стр. 1117—1124.

⁶ ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 149—163.

полезны для общего ознакомления с современным состоянием научной разработки северного Причерноморья античной эпохи.

Таков перечень работ Сергея Александровича по истории северного Причерноморья за последние годы.

Существенным, однако, является не только то, о чем он писал, но как написаны его работы.

В его исследовательских приемах раскрывается редкое мастерство всестороннего научного анализа. В его искусных руках самые, на первый взгляд, несущественные детали текста превращаются в орудия научного доказательства огромной силы. Поэтому на всех тех участках изучения северного Причерноморья, которыми занимался Сергей Александрович, остаются неизгладимые следы его работы. Мимо его выводов и наблюдений потом уже не может пройти ни один вдумчивый и добросовестный исследователь.

Для всякого стремящегося овладеть подлинно научными приемами анализа исторических памятников быть учеником Сергея Александровича большое счастье и честь.

Д. Калистов

Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны

Нельзя не согласиться с редакцией «Вестника древней истории», когда она в 1938 г. «ввиду большого интереса» решила поместить названную статью С. А. Жебелева на страницах своего журнала, несмотря на то, что 5 лет перед этим эта статья была уже напечатана в «Известиях Академии материальной культуры». Редакция поступила совершенно правильно. В этой работе С. А. Жебелев сделал важное открытие. Автор, вчитавшись в документ, известный специалистам уже с 1878 г. и не раз подвергавшийся обследованию, открыл в нем новый смысл, до сих пор никем не замечаемый. Речь идет о знаменитом высеченном на камне декрете, изданном херсонесским «советом и народом» в честь Диофанта, полководца Митридата Понтийского.

Вот это место декрета в переводе С. А. Жебелева: «Когда скифы с Савмаком во главе произвели государственный переворот и убили боспорского царя Перисада, выкормившего Савмака, на Диофанта же составили заговор, последний, избежав опасности, сел на отправленное за ним (херсонесскими) гражданами судно и, прибыв (в Херсонес), призвал на помощь граждан. (Затем), имея ревностного сотрудника в лице посылавшего его царя Митридата Евпатора, Диофант в начале весны (следующего года) прибыл (в Херсонес) с сухопутным и морским войском и, присоединив к нему отборных (херсонесских) воинов (разместившихся) в трех судах, двинулся (морем) из нашего города (Херсонеса), овладел Феодосией и Пантикапеем, покарал виновников восстания, Савмака же, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, отправил в царство (т. е. в Понт) и снова приобрёл власть (над Боспором) для царя Митридата Евпатора».

С. А. Жебелев с полной убедительностью доказал: 1) что тут имеется в виду восстание боспорских рабов, которые поднялись против своих угнетателей, возглавляемые Савмаком, рабом, выросшим при дворе боспорского царя Перисада; 2) что восставшие произвели государственный переворот и сделали царем своего вождя Савмака; 3) что восставшие опирались на сочувствие туземного населения; 4) что победа над восставшими далась Диофанту нелегко.

В творчестве С. А. Жебелева здесь важно отметить несколько сторон: 1) почему С. А. Жебелев заметил то, чего не заметил никто из его предшественников, хотя и очень хорошо знакомых с «декретом»? 2) каким путем автор пришел к своим бесспорным выводам? и 3) как понял автор исторический смысл открытого им важного факта?

Уменьше видеть то, чего не видел никто до С. А. Жебелева, объясняется тем, что С. А. Жебелев подходил к документу, вооруженный теорией. Он ясно представлял структуру Боспорского общества, как общества рабовладельческого и в процессе работы